

О. В. Скобелкин

«ВЕСТИ» ИНОЗЕМЦЕВ, ПРЕБЫВАЮЩИХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В РОССИЮ (1610–1620-е гг.)

Вестфалец Генрих Штаден, живший в России и находившийся на русской службе в 1560–1570-х гг., так описывал процедуру приема российскими властями приезжавших на службу иноземцев: «Если кто-нибудь... приходит на русскую границу, его тотчас же опрашивают — зачем он пришел. Скажет он, что хочет служить великому князю, его опять расспрашивают о различных обстоятельствах. Все его сообщения и речи тайно записываются и запечатываются. А его самого немедленно отправляют... к Москве... В Москве его снова тайно и подробно расспрашивают обо всех обстоятельствах, и если его показания согласуются с тем, что он говорил на границе, ему дают тем большую веру и жалуют его. Не смотрят ни на лицо, ни на одежду, ни на знатность, но ко всем его речам относятся с большим вниманием. <...> Когда я пришел в Дерпт... наместник расспрашивал меня, где теперь польский король. <...> я был доставлен в Посольский приказ, и дьяк Андрей Васильевич расспрашивал меня о разных делах. И все это тотчас же записывалось для великого князя».¹ Других подобных известий от XVI столетия до нас, кажется, не дошло. Однако делопроизводственная документация 1610–1620-х гг. позволяет выяснить, о каких «всех обстоятельствах» расспрашивали приезжих иностранцев на русской границе и о каких «разных делах» рассказывали иноземцы в Посольском приказе.

В ходе этих расспросов и воеводы приграничных уездов, и руководители Посольского приказа выясняли цель приезда иноземца, его социальное происхождение, основные этапы предшествующей службы, его чины, звания и размеры жалованья, которое он получал до приезда в Россию. И обязательным было получение от приезжего так называемых «вестей» — внешнеполитической информации.

Самое раннее известное нам употребление термина «вести» в этом значении относится к лету 1604 г., когда в Кольский острог приехал датчанин Павлик Павлов, «сказавший за собой» «государево дело». Его направили в Холмогоры, где руководители Двинского уезда его «роспрашивали... что он каких вестей датских и свейских ведает ли». (Никаких вестей выходец-датчанин «за собою не сказал».)²

Наиболее ранняя из дошедших до нас запись «вестей» была сделана летом 1613 г. Тогда в Архангельск на английском корабле прибыл «служилой немчин Вилем Ватцы» с намерением поступить на русскую службу; «а был де он в Датской земли с аглинскими с воинскими людьми <...> и он де про датского да и про свейского королей и про иные про тамошние вести ведает». Двинской воевода и дьяк «того немчина Вилема Ватцы, поставя перед собою, и его роспрашивали: в Датской он земле был ли, и что датской король с свейским королем учинил, и сколь он давно из Датской земли, и что он про тамошние вести ведает ли?»

И вот что рассказал приезжий англичанин:

«...свейской де король с датским помирился на том, что де ему, датскому королю, все протори заплатить; а как... свейской король с датским королем помирился, и датской де король служилых людей всех распустил в свои земли, кто которой земли, и ратные де люди все и разошлись <...> А про то... в Датской земле слух был: как де свейской король с датским помирился, и он де хотел итти в Великий Новгород. Да и про то де он слышел же, что де датской у свейского на сестре сватался; а сам де он про то подлинно не ведает, что было ль у них меж себя сватовство или не было, и таки ли свейской король идет в Новгород или не идет, и где будет ныне свейской король, у себя ли в Свейской земли или в Новгород пошел. <...> и он де слышел у свейских капитонов, что де их свейской король звал датского короля итти на Рускую землю войною; и датской

¹ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 80, 81, 91.

² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1604. № 1. Л. 1; Акты о выездах в Россию иноземцев: 1600–1640 гг. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1884. Т. 8, № 10. Стб. 103–104.

де ему король в том отказал, да и воинских людей всех в свои земли распустил, а с ним итти не похотел. А как... у датского короля с свейским королем была меж себя война, и свейской де король писал в Новгород к Якову Пунтусову, чтоб де он к нему шел на помочь со всеми людьми; и Яков де Пунтусов его не послушал и на помочь к нему не пришел. А у свейского... короля в собрание против датского короля люди были невеликие, и стоять де он против его не мог. А как де он, Вилем, в Датской земле был, и при нем де пошел во Гданеск город фрянчужанин Лавин, которой был на Руси с Яковом Пунтусовым воеводою, собирать людей, а брат де его пошел в Цесареву область собирать людей же, и тех ратных людей наймовать, которые люди служили у датского короля; а хотели... они сего лета, будет толко поспеют, быть к Архангилскому городу и служить будто тебе государю (царю Михаилу Федоровичу — О. С.); а про то де он не ведает, где будет тому Лавину с братом своим сходиться».³

Как видим, двинских администраторов интересовало следующее: закончилась ли война между Данией и Швецией (Кальмарская война 1611–1613 гг.) и на каких условиях, уволены ли наемники из датской армии, каковы послевоенные отношения датского и шведского королей. Кроме того, поскольку, несмотря на воцарение Михаила Федоровича, Смута в России продолжалась и Новгород был под контролем Якова Пунтуса Деллагарди и его наемников, живейший интерес вызывали любые сведения о возможном антирусском союзе Швеции и Дании, о продвижении шведского короля к Новгороду, о его взаимоотношениях с Деллагарди, а также о действиях такого командира из войска Деллагарди, как де Лавиль.

Вся полученная информация была немедленно отправлена в Москву, в Посольский приказ.

Весной 1620 г. из Ладоги в Новгород был направлен «выходец»-швед Христофор Сторм, также пожелавший записаться на русскую службу. Во время расспроса он рассказал следующее:

«...у свейского короля с литовским королем ныне взято меж себя перемирие на два годы и на три месяцы; а срок... перемирию Семен день Летопроводца сто двадцать девятого

году. А как... литовского короля послов свейского короля с послы в нынешнем во 128 году о Рождестве Христове был меж себя съезд, и на том... съезде литовского короля у послов просили города Пернова и мирились с ними на пятнадцать лет; а свейского... короля послы город Пернов отдавали, а хотели с ними помириться на двадцать лет, и на том... у них меж себя мир не стался; и на сем... лете у литовских послов с свейскими послы о миру будет еще съезд. А которые... неметцы ратные люди ныне были в собрание, и те... ратные люди все распущены, а в собрание... неметцких ратных людей негде нет. А Яков... Пунтусов из Колывани пошел в Пернов. А города... Гдова свейской король в... государеву (т. е. в русскую — О. С.) сторону отдати не хочет, покаместа меж не размежуют».

И самого «выходца», и его «расспросные речи» новгородские администраторы, как и положено, отправили в Москву. Там, в Посольском приказе, его расспросили еще раз. По всем основным пунктам своих «вестей» Х. Сторм «сказал то ж, что и в новгородской отписки в его роспросных речех писано». Однако о некоторых моментах руководители приказа сочли необходимым расспросить подробнее. Это касалось условий передачи Швецией города Пернова Речи Посполитой, срока действия шведско-литовского мирного договора, отношения в Швеции к русско-шведскому размежеванию земель по Столбовскому миру. Кроме того, в отличие от новгородского расспроса, в Посольском приказе швед рассказал еще кое о чем: «А с датским королем и с иными пограничными землями свейской ныне в миру ж. А с государем (царем Михаилом Федоровичем — О. С.) свейской король да и всякие свейские люди хотят вечно мир держать навеки крепко, а никакого умыслу о нарушенье миру или над порубежными городами и местами у короля и у свейских людей ныне нет и вперед никак не чает, а опасаютца де болши с государеву сторону, что не будет ли вечному докончанью которого нарушенье с государеву сторону. <...> А брат де свейского короля Густава Адолфа, Карло Филип, ныне в Свее живет с братом в миру, а розни де у них меж себя никакие нет и впредь не чает. А Яков де Пунтусов поехал из Колывани в Пернов, по королевскому указу, смотрети города, чтоб он был крепок, опасался взятца от литовских людей. <...> А вестей иных никаких, опроче того, что

³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1613. № 1. Л. 1–3; Акты... Стб. 105–107.

сказывал в Новгороде и здесь на Москве, сказал: ничего не ведает и ни у кого, будучи в Свее, не слышал».⁴

В июле 1622 г. в Псков «вышел» «цесарец» капитан Франц Беннев. Здесь он рассказал свои «вести» псковским воеводам. Затем он был «расспрошен» в Посольском приказе и там «вестей сказал: Как деи он был в Статине, и при нем де еще у цесаря с чешским королем миру не было, и в перед деи миру меж ими одва чаят, потому что цесарь у чешского короля Чешскую землю всю взял. И ныне деи чешской король живет в своей в Фальской земле (Пфальц — О. С.) в городе в Гендеберке, а ратных де людей с чешским королем есть до семидесят тысяч. А помогают де чешскому королю и стоят против цесаря граф Мансфельт да брунсвитцкий (брауншвейгский — О. С.) князь Христианус с своими людьми. И бою де у чешского было быть с цесарем нынешняго 130-го году по лету в Фальцкой земле, потому что де цесарь в Фальцкой земле взял был у чешского блиско половины. А помогает де цесарю на чешского испанской король Филип.

А про свеиские и про литовские вести, что делаетца меж свеиского и литовского, сказал то же, что и во псковской отписке ко государю писано: что свеиской король ныне стоит в лифлянской земле под Куконосом, а литовские де люди в Куконосе сидят в осаде, и с литовскими де людьми в Лифлянской земле бои у него были. А начальной де воивода с литовскими людьми стоит против свеиского, Радивил, а литовских деи людей с ним толко семь тысяч, а с свеиским де ныне ратных людей з дватцать тысяч. И Митов де город, которой в прошлом году взял у литовского свеиской, а после того стояли под ним польские люди, и ныне де свеиской король тот город от литовских людей очистил. А ссылка де у свеиского короля с литовским о миру есть, а чаят ли меж ними миру или нет, того, сказал, не ведает.

А с турским де царем полской король о миру, слышел он, ссылаютца ж, а миру де по ся места меж ими ещо нет. А будет ли деи вперед мир или нет, того, сказал, не слышал.

А oprичь того капитан Франц иных никаких вестей, сказал, не ведает».⁵

В декабре 1622 г. в Псков прибыл «голштинец» капитан Валентин Росформ. «А вес-

тей... тот Фалентин сказал. Как де он, Фалентин, был в тех литовских городех, и он де слышел у многих у литовских людей, что они, литовские люди, с турскими людьми помирились; а на колко лет помирились, и на чем меж ими мир стался, и про то де он у литовских людей подлинно не слышал. А была... у литовских людей рада тому недель с десять, и с той де рады отпущен из Литвы к турскому царю посол наскоро; а говорят... меж себя литовские люди, что их тот литовской посол пошел к турскому царю о мирном договоре подтверждать, чтоб де меж ими мирное постановление было крепко и стоятельно; и тот де литовской посол от турского царя по его, Фалентинов, поезд, как он поехал во Псков, при нем в Литву не бывал. А полской де король ныне в Аршеве, а с ним де толко его королевского двора люди, а прибыльных... ратных никаких людей при короле в сборе нет, и про королевича де, в котором он городе ныне у литовских людей, не слышать.

<...> ныне у цысаря крестьянского и у шпанского короля с голанским князем бой о вере и о бимском короле (Фридрих V, курфюрст Пфальцский, “зимний” король Богемии — О. С.), что он, цысарь и шпанской король в прошлом... году, по лету, изгнали из Бимские земли (Богемия, Чехия — О. С.) в Французскую землю бимского короля и землю его, бимского короля, запустошили.

Да... слышел де он... литовские люди с немецкими людьми помирились на полтора годы; а как... тому перемирию срок минет, и впредь де меж ими или войны чаеть, и про то де он у литовских людей не слышал».⁶

Анализ «вестей» оставляет впечатление, что мы имеем дело не просто с рассказами иноземцев, о том, что делается за пределами Московского государства, а с ответами по определенному «вопроснику», который, по-видимому, был создан в Посольском приказе специально для таких случаев. Вероятно, имея некую постоянную основу, он лишь отчасти видоизменялся, в зависимости от внешнеполитической ситуации и от того, откуда прибыл иноземец. Руководителей приказа, что совершенно естественно, интересовали, в первую очередь, те государства, которые определяли ситуацию в Восточной Европе (Речь Посполитая, Швеция, Турция, а также Империя), тем более, что с частью из них у России были об-

⁴ Акты... Стб. 141–145.

⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1622. № 2. Л. 4–6.

⁶ Акты... Стб. 153–156.

щие границы и неоднократно велись войны. Что касается конкретных сюжетов, то наибольший интерес, по-видимому, представляли войны и мирные соглашения между этими государствами, местонахождение монархов, планы династических браков, наличие под ружьем

наемных войск и, разумеется, настроения и планы в отношении России. При этом, по мере того как Смутное время уходило в прошлое, этот сюжет постепенно утрачивал актуальность, а самый пристальный интерес начинали вызывать события Тридцатилетней войны.

Ключевые слова: *иностранцы, военная служба, внешнеполитическая информация, Россия, XVII век*

“NEWS” BROUGHT BY THE FOREIGNERS COMING TO RUSSIA
FOR THE MILITARY SERVICE (the 1610–1620s)

The article examines one of the sources of obtaining foreign policy information by the Posolsky Prikaz (Foreign Office) in the 1610–1620s, when foreigners entering into the military service in Russia were used as informers.

Oleg V. Skobelkin